

Макс Пембертон

Доверьтесь мне. Я — доктор

ОГИЗ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА**

УДК 616
ББК 54.1
П24

First published in Great Britain in 2008 by Hodder & Stoughton
An Hachette Livre UK company

Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается

Max Pemberton
TRUST ME, I'M A (JUNIOR) DOCTOR

Перевод с английского
Ирины Гольбиной

Фото автора на обложке
Graham Jepson
Telegraph Media Group Limited 2008

Пембертон, Макс.

П24 Доверьтесь мне. Я — доктор / пер. с англ. яз. И. Д. Гольбиной. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 320 с. — (Спасая жизнь. Истории от первого лица).

ISBN 978-5-17-122821-7 (рус.)

ISBN 978-0-340-95167-5 (англ.)

В первой части трилогии Макса Пембертона трогательно и с юмором описываются впечатления интерна от первого года работы в Национальной службе здравоохранения Великобритании. Юношеский максимализм доктора сменяется откровенным недоумением от осознания того, насколько мало в его деле собственно «спасения жизнью» и как много времени уходит на заполнение бланков и обдумывание важных проблем, которые не обсуждались нигде раньше. Например, как ответить родственнику на вопрос о том, выжил ли его близкий?

В этой книге Макс Пембертон предоставляет читателю возможность приоткрыть дверь в мир, куда обычному человеку без медицинского образования вход запрещен.

**УДК 616
ББК 54.1**

© Max Pemberton 2008
© И. Д. Гольбина, перевод, 2019
© Graham Jepson / Telegraph
Media Group Limited 2008,
фото на обложке
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2020

**ISBN 978-5-17-122821-7 (рус.)
ISBN 978-0-340-95167-5 (англ.)**

*Моей маме, которая будет рада слышать,
что пока я писал эту книгу, я правильно
питался и обязательно надевал теплое белье
(честное слово).*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Август</i>	6
<i>Сентябрь</i>	41
<i>Октябрь</i>	65
<i>Ноябрь</i>	91
<i>Декабрь</i>	117
<i>Январь</i>	145
<i>Февраль</i>	167
<i>Март</i>	192
<i>Апрель</i>	218
<i>Май</i>	240
<i>Июнь</i>	267
<i>Июль</i>	288
<i>На финишной прямой</i>	312
<i>Примечание автора</i>	316
<i>Благодарности</i>	318

АВГУСТ

Понедельник, 4 августа

Мне страшно. Официально я считаюсь взрослым, то есть должен платить налоги и беспокоиться, не начал ли лысеть, но мне все равно страшно. Я как будто замер у распаханного люка самолета, готовясь к прыжку, и не знаю, откроется парашют или нет, а даже если он откроется, мне все равно предстоит кувыркаться в воздухе с желудком, подступившим к горлу, и мечтать, чтобы это поскорее закончилось. И главное — мне некого винить, кроме самого себя.

Я сам поставил галочку в графе «медицина», когда заполнял анкету в школе. Если бы я промахнулся и отметил «журналистику», то сейчас посиживал бы за компьютером и размышлял, где купить латте повкуснее, а не занимался бы глистами и проказой. Т. С. Элиот ошибался: «жесточайший месяц» — не апрель, а август. Именно в августе выпускники медицинских колледжей по всей стране, проснувшись поутру, осознают страшный факт — теперь они доктора, — и на практике знакомятся с тем, что это означает.

Учеба была для меня чем-то вроде долгих каникул, в которые эпизодически вклинивались случайные болезни. К экзаменам, конечно, пришлось попотеть, заучивая целиком толстенные книги, чтобы потом извергнуть их содержимое в пропахшей потом аудитории, едва держась на ногах, трясущихся от опасной комбинации энергетиков и тройных эспрессо. Но в целом, шесть лет в университете я провел довольно приятно. Это было похоже на игру в доктора. На Рождество, когда одна за другой следуют семейные

вечеринки, все смотрят на тебя с теплотой, — «О, он учится на врача», — с неба звучит ангельский хор, а ты источаешь божественный свет, озаряющий лица восторженных почитателей. Люди любят врачей, точнее, свое представление о них. Еще им нравится мысль о наличии знакомого врача, хотя в целом медики — скучнейший народ. Они вечно вымотаны, постоянно на все жалуются и говорят исключительно о работе. Однако студент-медик представляет собой этакий славный компромисс: все плюсы будущей профессии, но без мешков под глазами и долгих телефонных разговоров о том, как Национальная медицинская служба катится по наклонной, и что, если заставить людей платить за лечение, они поймут, чего лишились, и сразу заткнутся.

В такой вот благостной обстановке я и провел шесть лет, наслаждаясь статусом «почти» доктора. Я ни разу не дежурил ночью. Не ставил диагнозов. Собственно, я за всю жизнь не выписал ни одного рецепта. Но завтра утром все изменится. Потому что с этого момента я начинаю работать врачом. И мне очень страшно.

Вторник, 5 августа

Я рассчитывал немного на другое. Количество жертв: ноль. Это обидно, ведь я уже настроился на то, что из-за меня кто-нибудь умрет, и я на первой же неделе вычеркну этот пункт из списка. Спишу все на невезение, преследующее новичков, и начну с чистого листа. Через пару месяцев об этом никто и не вспомнит, и можно будет рассчитывать на хорошие рекомендации. Идеально.

В действительности же не только никто не умер, а мы вообще не увидели ни одного пациента. Весь день нас инструктировали о самых скучных вещах, какие только можно вообразить, и которые, как нетрудно

догадаться, нам все равно не понадобятся. Сначала мы попали к очень энергичной даме по имени миссис Крук, глаза которой наполнялись слезами всякий раз, когда ей задавали вопрос. Довольно быстро стало ясно, что она только прикидывается энергичной и собранной, в действительности находясь на грани нервного срыва. В какой-то момент, когда мы пили кофе, кто-то поинтересовался у нее, где ложки. Миссис Крук покраснела, как свекла и задышала так часто, что я испугался, как бы она не потеряла сознание прямо у нас на глазах, но тут, к счастью, ложки нашлись: в мусорной корзине. Этой женщине, несмотря на полную неспособность осознать, кто мы вообще такие и что делаем в ее кабинете, предстояло быть нашим связующим звеном с администрацией госпиталя.

После беседы с миссис Крук седые мужчины в серых костюмах провели с нами инструктаж по технике безопасности. Не распыляйте содержимое огнетушителя на пациентов, особенно если огнетушитель — пенный. Если во время обхода чувствуете, что вас сейчас стошнит, пользуйтесь мусорной корзиной. Если собираетесь покончить с собой, не делайте этого на территории больницы.

Более-менее любопытным (я использую это слово в самом широком смысле) оказалось занятие по «личной защите на рабочем месте». Вел его некто Даг, бывший десантник, уволившийся из армии, видимо, по причине необходимости сдерживать свои садистские наклонности, и устроившийся на работу в Национальную службу здравоохранения инструктором. Он объяснил нам, что мы можем и чего не можем делать, если поведение пациента представляет для нас угрозу. Нет бы настроить нас на позитив! Все занятие он потирал свои бицепсы и поигрывал мышцами груди, пляясь при этом на бюст дамы, сидевшей в первом

ряду. По глупости я в какой-то момент поднял руку, чтобы отпроситься в туалет, и только тут сообразил, что он просит выйти вперед волонтера. В следующий миг я уже валялся на полу на мате. Пока я пытался вырваться, сначала краснея, а потом синея, ко мне снизошло осознание: вот так я и умру, в тисках тупоголового громилы, в одноэтажном панельном корпусе окружной больницы. «Воздуха!» — хрипел я в его волосатую подмышку, где оказалась моя голова.

Убедившись, что достаточно впечатлил женскую половину аудитории, придушив самого тщедушного из присутствующих, он отпустил меня и продолжил лекцию, взявшись демонстрировать нам картинки 70-х годов с борющимися человечками, которые сильно напоминали иллюстрации из *«Радостей секса»*.

— Если будете делать так, постарайтесь не сломать ему пальцы, — советовал он, — потому что технически это может быть признано превышением пределов допустимой самообороны.

— Но мы же врачи, — пропищала девушка с тугим хвостом на макушке из первого ряда.

Даг окинул ее сочувственным взглядом, сказал «помогай вам Бог» и перешел к другой теме.

Дальше с нами беседовал мужчина, выглядевший так, будто умер уже некоторое время назад, но никто ему об этом не сообщил. Естественно, он оказался патологоанатомом, а его лекция — страшно монотонная — касалась заполнения свидетельств о смерти. Зарядил оптимизмом, нечего сказать.

К концу дня мы так и не увидели ни одного врача, не говоря уже о пациентах, зато получили по толстой пачке бумаг с инструкциями по эвакуации, которые я немедленно потерял. Надеюсь, пожара в ближайшее время не будет. Хотя, честно говоря, даже если и будет, у меня вряд ли появится охота листать этот талмуд,

чтобы разобраться, как лучше сбежать. Та же самая девушка с хвостом на затылке по имени Суприя — ей, как и мне, предстоит следующие полгода работать в хирургии, прежде чем нас переведут в терапию, — спросила, что делать с пациентами отделения реанимации, подключенными к аппаратам жизнеобеспечения. Вопрос был вроде разумный, поэтому ответ меня немного удивил. Поскольку спустить их вниз по лестнице нельзя, а лифтами при пожаре пользоваться запрещается, помочь мы им ничем не можем.

— То есть их надо просто бросить там? — переспросила Суприя с широко распахнутым от изумления ртом.

— Ну, если хотите, можете остаться с ними, — отрезала дама, отвечавшая за пожарную безопасность, которая так обильно пользовалась лаком для волос, что сама представляла ей угрозу, — но если вы погибнете, то не сможете предъявить больнице иск.

Видимо, потому, что будем мертвы? Никто не решился развивать эту тему дальше.

У меня крепло подозрение, что администрация воспринимает нас, интернов, как прыщ, который необходимо по-быстрому выдавить, а не как новых сотрудников больницы. Судя по ледяному приему, никто нас тут не любит. Но мы же работаем ради денег, а не по любви, не так ли?

Среда, 6 августа

Руби, моя соседка по квартире, которая выходит на работу в ту же больницу, заметила, что хотя мы вчера весь день провели в администрации, контрактов с нами не подписали. Я даже не видел ни одного, не то чтобы подписывать. Однако персонал, встретивший нас вчера с дружелюбием перечного баллончика, в полном составе как сквозь землю провалился.

Может, они все скопом уехали в отпуск? Заболели? Работают только один день в году? До нас доходит весть, что миссис Крук у себя в кабинете, однако все звонки переводятся на голосовую почту. Руби уже готова поднять восстание, устроить массовые протесты и сидячую забастовку, в которых понаторела за время учебы, но мы быстро решаем, что это положит конец нашей карьере еще до того, как она начнется. На какой другой работе, особенно такой опасной, как у врачей, люди перед началом не подписывают контракта? С другой стороны, на какой другой работе приходится дежурить по 24 часа без сна? Возможно, именно поэтому она и опасная.

Мы знакомимся с двумя другими интернами, приписанными к хирургии вместе со мной и Руби. Конечно, свои интерны есть и в терапии, но с ними мы не хотим иметь ничего общего. Среди нас индуист, христианин, гей, чернокожий, двое парней и двое девушек. Просто наглядный образец политкорректности. Правда, Льюис, христианин, — одновременно гей и чернокожий, так что «убивает трех зайцев» сразу.

Утро мы проводим в отделе безопасности труда, который, существуя приз за неспособность организовать соревнования по дальнобойности струи в туалете пивного бара (или провести медицинское обследование в больнице), наверняка бы его получил. Я уже отправил все справки и сертификаты, свидетельствующие, что во мне не притаились никакие вредоносные бактерии и что я вовремя сделал все необходимые прививки, но в ответ получаю лишь недоуменный взгляд медсестры, занимающейся оформлением документов.

— Вы их не присылали, — говорит она, когда я спрашиваю, почему в моем деле нет соответствующей отметки.

— Присылал. Я их отправил шесть недель назад, по первому же вашему запросу, — отвечаю я.

— Нет, не присылали, — упорствует она.

— Нет, присылал, — парирую я, начиная постепенно закипать.

— Не присылали.

— Присылал.

— Не присылали, — и так далее. Руби, которая и правда ничего не присылала, потому что провела в алкогольном угаре все шесть недель между окончанием учебы и началом работы, избегает такой же участи, сразу объявив, что справок не отправляла, так что избавила медсестру от трудов их терять. Сестра ей, похоже, благодарна. Я и остальные интерны, у которых документы «пропали» неизвестно куда, вместе с Руби отправляемся оформлять все заново.

— Видишь, я же тебе говорила, что лучше сходить в паб, чем возиться с этими дурацкими бумажками, — хмыкает Руби.

Четверг, 7 августа

Боже, это какой-то ужас! Гораздо хуже, чем я себе представлял. Я просто больше не могу. Я так устал! И это только первая неделя. С другой стороны, через 51 неделю и два дня все будет кончено. Не так и долго, правда? Сколько там длится год?

Этим утром начался мой первый настоящий рабочий день. Приветственной церемонии почему-то не было. Все устроено следующим образом: в отделении работает две пары хирургов, к каждой из которых приписан один врач-резидент, один ординатор и двое младших врачей (это как раз мы, интерны). Вместе они называются «команда», хотя командой тут и не пахнет. Мне сразу становится ясно, что ординатор не ладит с резидентом. Еще яснее, что резидент не ладит с хирургами. Наша первая встреча напоминает праздник в семье, где все друг друга ненавидят, но терпят, сцепив

зубы, ради детей. Мы с Суприей попадаем к мистеру Баттеруорту и мистеру Прайсу. Они выбрали нас навскидку, когда мы подошли к сестринскому посту, как детей для школьной футбольной команды.

Четверо хирургов-консультантов причудливо сочетают в себе профессионализм и полное отсутствие навыков общения. Видя их вместе, со всеми недостатками напоказ, я не могу решить, с кем меньше всего хочу оказаться в команде. У молодого да раннего мистера Гранта, который вполне мог быть одним из персонажей «Грандж Хилл», репутация человека крайне тяжелого. Благодарю свою счастливую звезду, что мне не придется с ним работать. Вытащив короткую соломинку, Руби попадает к нему. Несмотря на то, что за шесть лет нашей совместной учебы Руби всегда удавалось выйти сухой из воды, сейчас я за нее немало волнуюсь.

Но тут, словно манна, посланная с небес, перед нами предстает ее второй консультант. Все женщины в отделении замирают. Медсестры впадают в экстаз. Пациентки женского пола всех возрастов и комплекций издают восторженный стон. Дети исцеляются, прикоснувшись к штанине его дорогущих брюк. Определенно, перед нами покоритель сердец, Любимчик Домохозяек. Похоже, Руби опять повезло.

— Привет! Вы, наверное, новый интерн, — говорит он, игриво ей подмигивая и проводя рукой по своей блестящей темной шевелюре. — Тогда я — ваш консультант.

Он смотрит на Руби, его ноздри едва заметно трепещут, пока он скользит по ней глазами.

— Вы должны меня извинить, это мой первый рабочий день после отпуска в горах. Катался на лыжах, — разливается он. — Трассы просто великолепны. Нет ничего прекраснее, чем промчаться по свежему, нетронутому снегу.

Меня начинает тошнить, и я спешно отворачиваюсь, чтобы не видеть, как Руби хлопает ресницами и бормочет: «О, вряд ли я катаюсь так хорошо, как вы...» Любимчик снова подмигивает ей и уходит прочь по коридору, подтянутый и загорелый. Боже, ненавижу хирургов!

С приветствиями покончено, нас бросают посреди отделения. Никаких мудрых напутствий, слов поддержки или просто дружеской беседы. Двое консультантов скрываются в тумане, Дэниел — ординатор, родившийся с такой здоровенной серебряной ложкой во рту, что она мешает ему говорить, — бросается за ними, кланяясь и пританцовывая, а мы остаемся с врачом-резидентом Сью, которая должна нам объяснить, что мы будем делать.

Судя по всему, Сью сегодня встала не с той ноги, хотя не исключено, что она всегда такая. Эта женщина холодна как лед. Сибирь, иначе и не скажешь. Ходят слухи, что она хотела стать ветеринаром, но не добрала баллов для поступления. Ее любовь к безмозглым зверушкам на интернов, похоже, не распространяется.

— Я вам не друг, я ваш начальник. Не трогайте меня, и я вас не трону, — начинает она.

Отлично. Наступают веселые времена.

Пятница, 8 августа

Наш первый обход отделения. Полная неразбериха. Когда мы являемся на место, выясняется, что Сью уже осмотрела половину пациентов. Никаких «здравствуйте» и прочих приветствий. Выдержав вчера целых полдня работы врачом, я уже думал — наивный! — что нас встретят словами «добро пожаловать назад» или даже «молодцы», хотя бы за то, что мы дожили до этого утра. Однако для ветеранов вроде Сью простого

выживания недостаточно. Суприя между нами прозвала ее Старой Кошелкой из-за явственного сходства, и внешнего, и по характеру, с одним из персонажей кукольного мультфильма. Сначала мне показалось, что это немного чересчур, но потом она так на меня посмотрела, когда я спросил про ее планы на выходные, что прозвище стало официальным.

Мы с Суприей весь день бродим по больнице, время от времени натываясь на других интернов, словно последние представители вымершего племени. Как направить пациента на рентген? Где бланки для анализов крови? Как связаться со специалистом по трудотерапии? Кстати, чем он вообще занимается? Спрашивать некого. Хирурги все в операционных, сестры заняты, а остальные интерны с нами в одной лодке — быстро тонущей лодке полного неведения.

Сестры, наблюдавшие эту картину уже тысячи раз, нашу растерянность просто игнорируют. Стоит тебе заглянуть в отделение, как на голову сыплются требования «подписать это», «еще раз осмотреть вон того пациента» или вопросы вроде «что там с последней операцией?».

К полудню я понимаю, что больше так не могу. Надо куда-то спрятаться от бесконечного потока вопросов, на которые я не знаю ответ и которых даже толком не понимаю. Захожу в ординаторскую и плотно прикрываю за собой дверь. Вздрагиваю, услышав внезапный шум, но тут, с чувством глубокого облегчения, вижу Руби, которая вылезает из-за шкафа с документами.

— Ну просто ни минуты покоя, да? — говорит она. — Пациенты, сестры, врачи, всем от тебя что-то надо.

Мгновение спустя в дверь влетает Суприя.

— Если еще кто-нибудь о чем-нибудь меня спросит, предполагая, что мне известен ответ, я закричу!